

Кн. обозрение. — 1994. — нояб. — с. 18

— Юрий Николаевич, это правда или очередной литературный апокриф?..

— Сушая правда! Мой отец и мама — любимые ученики Павла Филонова. Мама делала его единственную выставку в 1929-м (выставка проработала, а точнее провисела год, так и не будучи открытой!). Отец работал заведующим реставрационными мастерскими Эрмитажа. Жили они в Русском музее — в левом флигеле, где теперь находится экспозиция. В 1936-м отца посадили — взяли прямо из Эрмитажа и отправили на Соловки, нашу семью сослали, и я оказался в Сибири. Потом уехал к отцу в Норильск, окончил школу и прикатил в столицу — поступил в университет на искусствоведение. Было это в 1950-м. Прочитал два года и ушел: учиться было невозможно. Преподавали абсолютную чушь. Затем поступил во ВГИК на сценарный факультет к Габриловичу — стал писать сценарии о коммунистах и о Ленине... Прочитал недолго, тоже ушел. Вот тогда-то я и попал к Паустовскому. Я видел многих писателей — но Паустовский остается для меня по сей день единственным человеком, похожим на писателя. От Паустовского я попал к Каверину, который в то время был секретарем СП по работе с молодыми авторами, а тот передал меня Казакевичу, который включил мои короткие рассказы в третий том «Литературной Москвы». Тут и случился погром «Литературной Москвы». Это издание передали Бондареву (тогда он был совсем другой), а потом и Бондарева убрали...

Здесь в моей жизни появился Твардовский: он взял из третьего тома все, что получше: напечатал мои короткие рассказы «Лето на Севере» в «Новом мире». Мои стихи он выкинул, сказал: «Блоковщина...» Эта публикация сделала мне имя, стали переводить, печатать в антологию мирового рассказа — рядом с Пушкиным, Буниным, Толстым... Писатель должен быть только профессионалом. Я был убежден: к 28 годам человек должен овладеть своим талантом. Если не овладеет — из него получится... Даже не Проханов... Подавляющее большинство наших писателей не овладели своим талантом в юности — не могли, не знали об этом. Скажем, Виктор Астафьев — я считаю его лучшим нашим прозаиком — он то работал, то воевал — начал писать поздно, когда уже невозможно было стать писателем. И совершил чудо! Пишет на очень высоком уровне.

Я родился в семье людей искусства и знал об этом с детства. Вот так я и ходил семь лет с чемоданчиком по редакциям, носил стихи. Потом — с подачи Твардовского — стихи выкинул, а прозу оставил: короткие рассказы типа записок Сэй Сёнагон. Тогда ее никто не знал. Да и сейчас мало знают...

— А как же вы-то о ней узнали?

— Я учился на искусствоведении в университете — слушать на лекциях было нечего, и я ходил читать в Ленинку. Так случайно и попал на японскую литературу. Читать в то время было нечего. Сейчас пытаются доказать, что у нас была литература. Три-четыре имени. Остальное — антилитература, которую вредно читать и печатать. В таком безвоздушном пространстве я вдруг открыл Сэй Сёнагон...

В 1962-м нас приняли в СП вместе с Виталием Семиным. Была оттепель. Уже можно было говорить о писательском мастерстве. На совещании молодых о моих рассказах говорили Сергей Антонов, Александр Демен-

тьев (заместитель Твардовского по «Новому миру»), Тамара Трифонова — замечательный критик...

По редакциям особенно не ходил. Меня все время тянули. Так потащили меня в «Октябрь»...

— Это уже был кочетовский «Октябрь»?

— Нет, все еще послепанферовский. Еще было не ясно, что с ним будет. Помнится, тогда появились несколько молодых: Юрий Казаков, я, Володя Максимов, начинал Войнович, немного раньше вышел с «Капель росы» Солоухин... Всех их Кочетов пытался перетащить к себе. Мне, Казакову и Володе Максиму даже предлагал стать членами редколлегии. Максимов согласился (хотя и напечатался до этого в «Тарусских страницах»). Казаков сказал: уберете с обложки Кочетова — тогда пойду. А я отговорился, пятое-десятое — и уехал к себе в Ветлужские леса на севере Костромской области, где жил в то время. Я все время старался не участвовать ни в каких литературных делах. Откровенно говоря, я не видел принципиальной разницы между «Октябрем» и «Новым миром», борьбу между ними нагнетал идеологический отдел ЦК партии. Им было выгодно создать видимость борьбы, разных людей... На самом деле все были почти одинаковые. Конечно, разница кое-какая была. Я это понимал: все-таки десять лет провел в ссылке, там я видел тех, кто боролся с Троцким (их, кстати, посадили как троцкистов). Помню, в 1937-м в журнале «Творчество» была большая передовая статья: громили Тухачевского и моего отца...

— Маршала и художника! Дабы вопреки пословице, замолчали и пушки, и музы...

— Отец мой был крестьянином с Волги, босиком вошел в Академию художеств... Павлу Филонову понравилось: здоровый мужик ходит босиком по Академии художеств...

А мать моя, любимая ученица Филонова, — из... миланских герцогов Сфорца!

— Интересно рождаются российские писатели: от троцкистов-художников и потомков итальянских Сфорца (они, кажется, покровительствовали еще Леонардо да Винчи!). От такого союза на свет должен был появиться готовый космополит, разумеется, читающий Сэй Сёнагон.

— Заметьте, у меня единственного из русских советских писателей жена — из народа: ветлужская крестьянка, мать ее колхозница, никогда не получила трудовой, ночью косила на себя в лесу сено... Впрочем, жена тоже теперь читает Сэй Сёнагон. А у остальных любителей русской старины — жены-то другие...

— Положим, долг писательской жены — читать нетленки мужа, а не какую-то средневековую японку с ее «Записками у изголовья».

А скажите мне честно — не бось, использовали сюжет: ветлужская крестьянка читает Сэй Сёнагон?

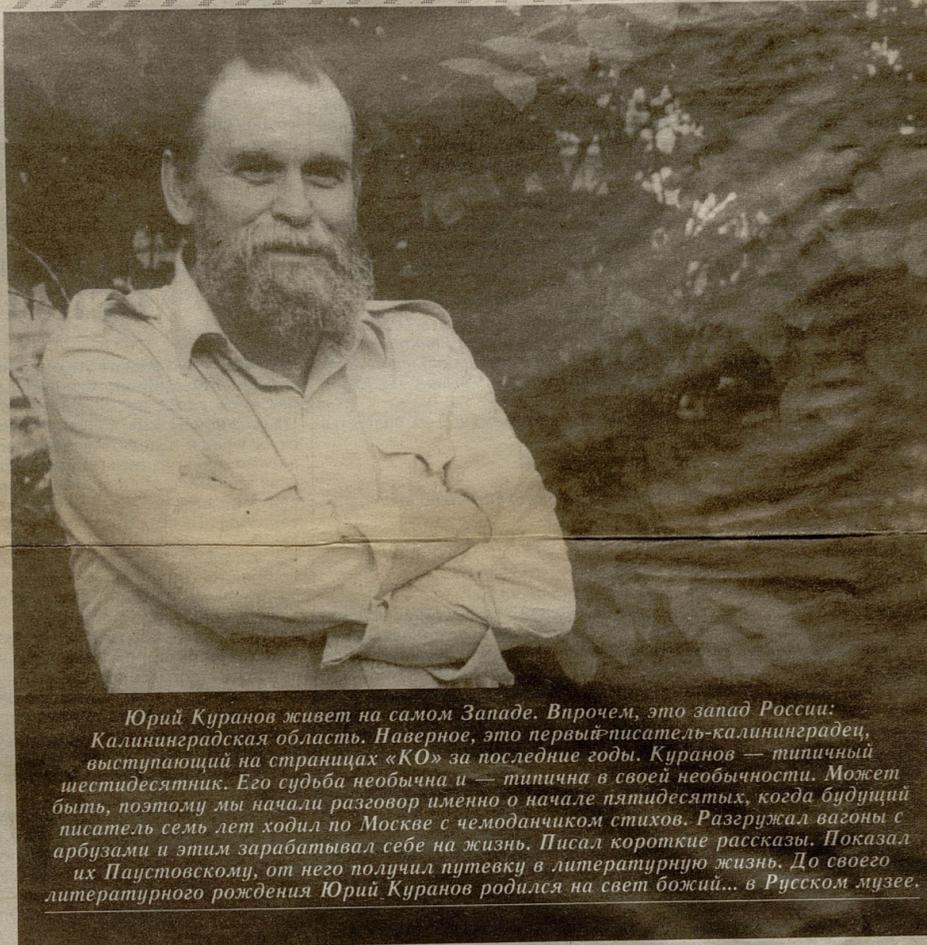
— Есть такое...

— Ну, а над чем вы работаете сейчас — на своем Западе?

— Сохраняю верность коротким вещам: у меня есть несколько рассказов, которые останутся — в том числе «Лето на Севере», «Осенние рассказы», которые печатал в «Литературке» Жора Владимов (он тогда в ней начинал работать)... В 1959-м больше двух тысяч писем пришло на восемь коротких «Осенних рассказов».

Потом у меня появились полуреалистические-полуутопические-лирические новеллы, чисто сюрреалистические вещи. На-

ЮРИЙ КУРАНОВ: «БЕДНОСТЬ УСЛОВИЕ СОХРАНЕНИЯ ТАЛАНТА...»

Юрий Куранов живет на самом Западе. Впрочем, это запад России: Калининградская область. Наверное, это первый писатель-калининградец, выступающий на страницах «КО» за последние годы. Куранов — типичный шестидесятник. Его судьба необычна и — типична в своей необычности. Может быть, поэтому мы начали разговор именно о начале пятидесятых, когда будущий писатель семь лет ходил по Москве с чемоданчиком стихов. Разрушал вагоны с арбузами и этим зарабатывал себе на жизнь. Писал короткие рассказы. Показал их Паустовскому, от него получил путевку в литературную жизнь. До своего литературного рождения Юрий Куранов родился на свет божий... в Русском музее.

пример, у меня есть «Натюрморт с колоколом»:

«На колоколе плясал воздух. Колокол гудел, но не звонил.

Навстречу воздуху, к колоколу шли люди и тихо рассыпались на ходу. Так все поле вокруг колокола покрывалось скрипучим искрящимся песком.

Если по этому песку идти, то под ногами он поет».

Или вот еще «Натюрморт с королем»:

«Спать король уходил в хрустальный сундук. Он засыпал скорчившись, подложив ладонь под голову.

Сквозь стены сундука прорастали города, вычерченные из розового света, тонких кубков, прозрачных лесов. Они переливались, точно свечи, садлись королю на веки и таяли, как иней.

Пока король спал, по пальцам его ползали зеленые гусеницы. Но король улыбался во сне.

Когда же король проснулся, то снимал улыбку, складывал ее вчетверо и прятал под сундук. Ему приносили осетров, и король с отвращением ел их».

Кажется, в «Антологии русской литературы», вышедшей в

Польше, это пустили как стихи — рядом с Есениным и Цветаевой... Что это сюр или реализм? Это — реализм. Если ты художник, ты это видишь. Это нельзя написать — как, например, стихотворения в прозе Тургенева, которого я очень люблю и считаю вершиной русской литературы и прозы — вообще! Тургенев выше Толстого, Гоголя, Бунина...

Вам кажется страшным то, что сейчас происходит. Это детская игра по сравнению с событиями 47-го, 50-го, 63-го... Вот это был настоящий сюр! А сейчас детский сад. Знаете, у Шаламова есть гениальный рассказ «Собаки» (я считаю Шаламова одним из самых великих наших писателей), в 60-е годы он ходил в рукописи и потряс меня: в одном городе на Севере — типа Норильска или Воркуты — закрыли лагерь. Вохры уехали. А собаки, которые охраняли барак, оказались никому не нужны. Бродят по городу, роются в помойках, как сегодняшние. Привыкшие сопровождать колонны заключенных, однажды они увидели демонстрацию на 7 ноября. Собаки бежали со всего горо-

да, оцепили демонстрантов и повели их. Все боятся, знают, что это за собаки. А те делают свое дело... Такой трехстраничный рассказ есть у Шаламова! Вот что происходит сейчас...

— А не напоминает вам этот рассказ Шаламова сюжет владимовского «Верного Руслана»?

— Это меня огорчило. Я к Владимову отношусь очень хорошо, но близко знаком с ним не был, хотя он и был редактором моих «Осенних рассказов» (я не люблю знакомиться с писателями). «Верный Руслан» вторичен и третичен по отношению к Шаламову «Собакам». Шаламов сидел — и написал. Владимов не сидел — и начал накручивать своего «Верного Руслана».

Тем, кто не сидел, владимовский «Руслан» понравился, а те, кто это видел, понимают: не то! Я впервые услышал, как Жора читал своего «Руслана» по Би-би-си. Написано хорошо, но все это вторично, высосано из пальца, выдуманно... Русланы были такими, как у Шаламова.

Возвращаюсь к вашему первоначальному вопросу: сейчас я пишу книгу «Тотальная фальсификация».

Это не мемуары, это что-то вроде полусюров и эссе о том, что я видел и что я знаю. Я видел многих людей. Я знал гениального поэта, который не опубликовал ни одного стихотворения, — Коля Шатров. Он был другом пианиста В.Софроничко и поэта Коли Глазкова. Именно при нем Пастернак передал своего «Доктора Живаго» за границу. Я пытался помочь ему напечататься, нигде не брали. Теперь он умер. Несколько стихотворений его напечатал Евтушенко в своей Антологии в «Огоньке». Смотрите, как он писал:

Я крабов разгрызал
фарфоровых,
Из клешней делал
мундштуки.
И не хвалюсь — курилось
здорово
На берегу пивной реки.
Я крабов разгрызал,
высасывал
Соловатовскую плоть,
Как будто краб был враг
мой классовый,
Которого не побороть.

А вот еще одно его стихотворение, написанное в конце пятидесятых:

Плюнул в морду поганому гаду
Не слюною, а густком огня.
Полубуйся, какой я богатый!
Сколько крови моей у меня!
Что ж ты, Родина, делаешь
с нами,
Лучшим цветом твоих сыновей?
Кумачовое плещется знамя
Палачевой рубахи твоей.

Еще в книге будет рассказано об умершем художнике Алексее Козлове, работы которого висят и в Метрополитен-музее, и в Английской королевской академии художеств — рядом с работами Черчилля... Смысл моей книги в том, что все у нас — и армия, и политика, и литература, и искусство, и медицина, и папши — только приблизительно имеют значение настоящего.

— Что-нибудь вышло у вас в последнее время?

— Ничего не вышло. Мне сейчас так противели все издательства и журналы... Я и к вам-то случайно пришел. Когда я вижу редакцию, меня тошнит: от вечной редактурки, вечных опраладаний... Лучше обратите внимание на журнал писательской организации Калининграда «Запад России». Неплохой журнал, выходит четыре раза в год. Уже третий год существует. У нас и писательская организация в Калининграде хорошая, нет никакой свалки. Мы были одним из организаторов демократического Союза российских писателей, сразу всей организацией вошли в него и являемся третьей писательской силой в этом Союзе после Москвы и Петербурга (в нашей организации 22 писателя; правда, двое сейчас из нее вышли, набрали с улицы человек десять и создали свою красно-коричневую организацию).

— Как сейчас живет писателям в Калининграде?

— Я сейчас живу так же, как и раньше. Всю жизнь писал короткие вещи, печатался в частую, хотя меня охотно публиковали во всех журналах, я был желанным гостем. За короткие вещи платили мало. Романы писать не хотелось (впрочем, один роман у меня есть). Жил то впроголодь, то на гонорары... Иногда бывали деньги, и можно было даже выпивать. Потом бросил пить совсем. Живу на пенсию. Сейчас получил гранд или какую-то президентскую стипендию — до 1 января (я и в Москву приехал эти деньги получить). Живем с женой вдвоем в

маленьком городишке Светлогорске, в 40 километрах от Калининграда. Раньше он был лучшим курортом на Балтийском море, сейчас, наверное, тоже.

Писательская организация у нас спокойная. Лично я стараюсь не участвовать ни в каких литературных делах, но сейчас надо помочь Москве: опять как-то свалка началась! Раньше все жаловались: Марков... Марков... Какой ужасный!.. Верченко... Верченко... Да они — неслыханные демократы и гениальные культуртрегеры рядом с тем же Иванченко. Они — величайшие аристократы рядом с Мариной Кудимовой!.. А ведь эти разговаривают так, как будто у них на руках по гранате подвешено: в любую минуту могут взорвать! Марков рядом с ними — герцог Гонзаго! Он, правда, никого к себе не пускал, но, если вы начинали с ним говорить, он разговаривал с вами так нежно...

Мне предлагали тоже быть секретарем российского Союза, но я отказался.

— И зря! Сейчас бы получили дачу в Переделкине...

— У меня есть трехкомнатная квартира в Светлогорске: могу заснуть, когда хочу, проснуться, когда хочу; хочу — читаю, хочу — пишу...

А вообще-то, хотя я и член координационного совета Союза российских писателей, считаю, что писателям Союз совсем не нужен. Писатель должен жить один. Ему трудно общаться с коллегами. Если ты — личность, ты не найдешь свое созвучие! Если не личность, зачем же быть писателем? Собирается в Союз для того, чтобы прокуриться, — зачем? Все равно все разворуют — ничего до писателя не дойдет! Это мне случайно дали стипендию — я живу бедно, порой хлеба не на что купить. Но я считаю, что писатель так и должен жить. Это — условие для того, чтобы талант сохранился. Так что здесь у меня проблем нет!

— Как вам сейчас — на западе? Вы теперь не так отсюда бежите, как какая-нибудь Нахичевань...

— Не Нахичевань — Монте-Карло! У нас тихо, спокойно, есть культурные люди... Немцы, конечно, разумные люди: рано или поздно они все равно заберут свой Кенгсберг, но заберут так, что никто не успеет и оглянуться и понять, что забрали.

— Существует ли книга вашей жизни?

— Для меня было большой поддержкой то, что на свете есть Паустовский. Самая любимая новелла — может быть, гениальная и лучшая в нашей литературе — «Ручья, где плещется форель». Она для меня была опорой. Значит, литература возможна, и то, что я пишу, может быть интересно людям! После этого я прочитал Сэй-Сёнагон. И потом уже мне попалась случайно книга Луи Селина «Путешествие на край ночи». Его раньше не упоминали: встречался с Гитлером.

— Только что в Петербурге прошла международная конференция, посвященная его 100-летию юбилею с презентацией нового издания на русском языке.

— Достоевский — пижон рядом с Селином!..

— Давайте с Достоевским разберемся при следующем нашем разговоре.

Беседовал
Александр ЩУПЛОВ.

Фото А.ЛЕМЕЦКОГО.